
Л. Герасина, заведующая сектором проблем государственно-правовой конфликтологии НИИ государственного строительства и местного самоуправления НАПрН Украины, доктор социологических наук, профессор

Политико-правовые практики современной социополитической реальности: теоретико-праксеологический синтез

Актуализация проблемы. Конструирование систем власти, начавшееся в глубокой древности, совершенствование институтов политики и права остаются и в наше время актуальной сферой деятельности глав государств, парламентов и правительств стран мира. Это закономерно, ведь построение справедливого общества, в котором люди могли бы гармонично удовлетворять свои витальные, материальные и духовные потребности, неизменно связывалось с правом, властью и государством. Представляется, что реализация политики и права, как универсальных явлений цивилизации, не только зависят от исторического типа общества (традиционное, модерное, индустриальное, постиндустриальное, информационное), системы его политико-правовых институ-

тов, уровня политической культуры, качеств политической элиты, но и от развитости *политико-правовых практик*, содержание и динамика которых определяют характер всей социополитической реальности.

Цель статьи – на междисциплинарном уровне теоретически синтезировать новые понятия: «социополитическая реальность» и «политико-правовые практики», дать им научную интерпретацию в единстве праксеологического, институционального и деятельностного анализа. Необходимость этого комплексного подхода аргументируется тем, что кардинальные сдвиги в странах, где осуществлялись практики общественной трансформации, правовой и политической модернизации, реформ политико-правовых систем, имели успех

тогда, когда преобразования непосредственно коррелировали с социальными настроениями и политико-правовыми процессами.

Исследования в разных парадигмах науки и политическая публицистика убеждают: ничто не было овеяно таким ореолом загадочности и мифологизма, как политика и власть. Еще В. Ключевский, исходя из общесоциального контекста, отмечал, что «природа страны направляет хозяйственную жизнь, а общество создает жизнь политическую и социальную»¹. С середины 1950-х гг. политология активно использует категорию «политическая жизнь», введенную в научный оборот Дэвидом Лейном. По сути, это совокупность духовных и практических, предметных форм и практик политического бытия общества и гражданина, которые характеризуют их отношение к политике и непосредственное участие в политических процессах.

Фактические границы распространения политических идей, влияний и правовых норм, которые очерчивают «поле» непосредственных действий политиков, политических организаций и государственно-правовых институтов, определяет политико-правовая сфера общества, где реализуются политические и социально-правовые отношения. Социальные институты *Политики* и *Права* исторически появляются там и тогда, где и когда утрачивается естественное

согласие в обществе, но формируется потребность в согласованном социальном взаимодействии.

В результате формируется **социополитическая реальность** (как новая дефиниция) – *воспроизводство политических отношений и всех форм политической деятельности, обусловленное общественными и частными интересами, удовлетворение которых зависит от механизма функционирования политической власти и права, а также от политико-правовых практик, реализуемых людьми*. Это реальное политическое бытие – многомерный феномен; его структура включает элементы – субъекты и объект политики, способ политической жизнедеятельности, определенную политико-правовую культуру и сознание, пути и особые средства политических акций, которые демонстрируют, кто действует, на основе каких интересов и направленности, каким образом осуществляются политико-правовые практики.

Известные социологические теории (М. Вебера, Ф. Знанецкого, Т. Парсонса, Ю. Хабермаса) трактуют социальное действие как «локализованный в пространстве и времени акт деятельности индивидуального или коллективного субъекта по преобразованию сложившихся общественных отношений в иные, согласно их интересам и целям»². Соответственно, родовому понятию нашего дискурса – «социальные практики» – можно

¹ Ключевский В. О. Сочинения в 9 томах / В. О. Ключевский. – Т. VI. Специальные курсы. – М., 1989. – С. 28.

² Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя, 2003. – С. 80.

предложить авторскую интерпретацию: *упорядоченная по содержанию, формам, логике и целевой направленности, устойчивая совокупность взаимозависимых действий социальных субъектов в разных отраслях общественных отношений*¹.

Политологические трактовки «политической практики» в основном связывают: с режимом власти, используя дефиниции «тоталитарные, авторитарные, демократические практики»; с внедрением в реальную жизнь политических идей, идеологий, теорий; со становлением политических институтов, организаций; с формированием политических норм, стандартов, традиций, ритуалов. В энциклопедическом контексте *политическую практику* определяют как «совокупность методов осуществления политики и конкретного их применения или как эмпирическое отражение политических теорий»².

На наш взгляд, назрело новое и сложное задание – определить сущность и представить многообразие различных *политико-правовых практик*, имеющих дуалистический характер и реализующихся в социополитической реальности современных обществ. Эвристический потенциал анализа политико-правовых практик

мультипарадигмален и лежит на стыке институциональной, деятельностной, функциональной и конфликтологической парадигм, которые активно применяются в политологических и юридических исследованиях. В то же время эмпирический мониторинг этих практик можно осуществлять с помощью конкретно-социологических методов, таких как наблюдение, массовый опрос, интервью фокус-групп, экзит-пул, контент- и дискурс-анализ и др.

Согласно критерию – наиболее действенные политические акторы и политико-правовые процессы – основные практики можно систематизировать (обобщить) следующим образом:

1) *политико-правовые практики государства*, его властных институтов, органов и учреждений (президентские, правительственные, парламентские, судебные и пр.), связанные с выполнением легально закрепленных функций государственно-правовой регуляции;

2) *революционные, модернизационные и реформаторские практики* публичной политики, которые направлены на изменения политико-правовой реальности и определяются вызревшими потребностями социальной среды;

3) *политические и правовые практики*, коррелирующие с действующим политическим режимом. Наиболее типичные: *практики демократии* по представительству политических сил и интересов, связанные с электоральным процессом, парламентариз-

¹ Герасіна Л. М. Політико-правові практики сучасної соціополітичної реальності: теоретико-праксеологічний синтез / Л. М. Герасіна // Укр. соціум. – 2012. – № 4 (43). – С. 40.

² Соціологія політики : енцикл. словник / авт.-упоряд.: В. А. Полторак, О. В. Петров, А. В. Толстоухов. – К. : Вид-во Європ. ун-ту, 2009. – С. 312.

мом, судебной защитой прав и свобод человека; деспотические, диктаторские или мобилизационные *практики тоталитаризма; авторитарные практики* «политической мифологизации и мистификации», политической коррупции, неправового законотворчества; *популистские практики*, присущие режиму эгалитаризма, и т. п.;

4) *практики*, используемые *группами политических интересов* как социальными «матрицами», продуцирующими создание разнообразных политических организаций (движений, партий, политклубов и пр.);

5) *практики*, обусловленные различными *функциями политических партий* и образуемых ими *политических акторов* – политических блоков, объединений, коалиций, фракций, оппозиции, лобби, а также – партийного руководства;

6) *практики*, применяемые в деятельности *политической элиты, государственно-политического истеблишмента, публичных политиков* разного формата, в частности, лидеров политических сил;

7) *практики* реализации политико-правовой активности *социальных групп и индивидов*, характеризующие процессы их политической идентификации, социализации и самоопределения, формирования политико-правовых ценностей, стереотипов поведения и декларирования политических установок.

В современных условиях как право, так и политика преследуют «идеальные» цели по обеспечению целостности социума, согласованию

интересов различных групп, эффективному регулированию всех форм социального взаимодействия. Политика институционализуется, как отмечено в Оксфордской энциклопедии, на разных уровнях социального управления (прежде всего правительственном), на собраниях политических организаций; формы и способы политической деятельности достаточно разнообразны: от разрешения споров и официальных выборов до угроз, прямого принуждения или применения силы¹. В то же время политика и право непосредственно воплощаются в стратегиях и тактике действий, определенных и соблюдаемых властью, руководством страны или правящей партией. Признавая особый смысл социополитической реальности, Филипп Бенетон подчеркивал, что «политика несводима ни к какой иной деятельности, которая детерминировала бы ее извне... либо политика растворяется в других социальных отношениях»²; праву же исторически предназначено придать политическому взаимодействию справедливый характер.

Итак, формируется тенденция некой социологизации политики и права. Логика социальной концепции такова: политика (особенно демократическая) уподобляется «рынку», где осуществляется рациональный об-

¹ Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. – М. : Весь мир, 2002. – Т. 7. – 207 с.

² Бенетон Ф. Введение в политическую науку : пер.с фр. / Ф. Бенетон. – М. : Изд-во «Весь мир», 2002. – С. 143–144.

мен (конвертация) социальных, правовых и иных ресурсов на политическую власть, мотивированную интересом. Но политика, как и право, в социологической интерпретации вовсе не является специфическим измерением социального целого, ведь как только люди вступают в длительные властные отношения (устоявшиеся политико-правовые практики), именно они конституируют политическую систему со всеми политико-правовыми институтами и свойственными им функциями.

Поэтому власть и политику следует рассматривать как политико-правовые институты государства и общества, которые имеют собственную специфику. Мера институционализации последних свидетельствует о типе действующей политической и правовой системы, о совершенстве механизмов политико-правового представительства, уровне политической структуризации социума, опыте его ассоциативной жизни, процессах формирования и деятельности общественных групп. В этом отношении практики современных демократий существенно отличаются от архаичных, авторитарных и особенно тоталитарных государств, политическая и общественная структура которых сводится к минимуму социальных, официально государственных и формализованных политико-правовых институтов.

Политико-правовую жизнь современного общества в целом, устойчивость ее институциональных структур и многообразие практик деятельности

ученые характеризуют следующим образом¹:

– это сфера структурированных политико-правовых связей, взаимодействия социальных, политических, правовых институтов, организаций и структур, результат фактического действия субъектов политических отношений;

– отрасль реализации публичных интересов и политико-правового управления, где главным инструментом действия является власть: влияние, принуждение, авторитет и юридические механизмы, которые практически всегда используют силу организации;

– позволяет политическим субъектам (государству, партиям, ассоциациям, движениям, союзам, элитам, лидерам) активно влиять на другие стороны общественной жизни – экономическую, духовную, социальную, правовую;

– в ее события вовлечены большие массы людей – классы, страты, этнонациональные, демографические, региональные и профессиональные сообщества, от инициативы и энергии которых зависят направленность, формы и результативность политико-правового процесса;

– центр, «узел» политико-правовой жизни – множество взаимосвязей

¹ См.: Малько А. В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы / А. В. Малько. – М., 2000; Краснов Б. И. Политическая жизнь общества и ее демократические параметры / Б. И. Краснов // Социально-полит. журн. – 1995. – № 4. – С. 91–95; Демидов А. И. Политическая и правовая жизнь модернизирующегося общества / А. И. Демидов и др. – Пенза ; Саратов, 2002.

личности, социальных групп и государства как политико-правового института.

Таким образом, политико-правовая жизнь – это непрерывный процесс деятельности множества индивидов, которые направляют солидарные усилия на достижение социально значимых целей и задач, применяя политико-правовые средства. И главным ее элементом являются *политико-правовые практики* (действия), в числе которых обозначим, на наш взгляд, наиболее важные: конституирование политической системы, правотворчество и правореализацию, реформы, революции и государственные перевороты, политическую конкуренцию, политико-правовые конфликты и кризисы, войны, забастовки, митинги и демонстрации, лоббирование, избирательные кампании, референдумы, петиции, политические дискуссии и т. д.

Политико-правовые практики ***публичной политической власти*** в государственно зрелом обществе являются относительно исторически стабильными; кардинальные их изменения, как правило – результат революций или политических реформ. Публичная политическая власть в целом проявляет себя как верховенство (или диктатура) класса, социального слоя (в т. ч. – сословной аристократии, политической элиты) или как доминирование «среднего класса» в результате его ведущей роли в высокоразвитых демократических странах.

Исследования природы публичной власти доказывают, что она имеет вы-

раженный социополитический характер, ибо ее практики реализуются в сфере политических отношений и связаны с необходимостью согласования интересов разных групп асимметричного общества; однако наибольшей универсальности и легальности она достигает в государственном организме. От других социальных типов властвования публичную политическую власть отличает следующая (политическая и правовая) специфика: вертикальные социополитические связи; нормативно определенная иерархия внутри политических структур; мощные ресурсы влияния; тип легитимности; выдающиеся личные качества носителей власти (лидера, публичных политиков); некоторая корпоративность как следствие консолидации членов политических организаций.

Свои политико-правовые практики осуществляет и местная (публичная) власть территориальных общин административно-территориальных единиц; их формальное воплощение – функции органов публичной власти (советов, мэрий, префектур, муниципалитетов). Они имеют ограниченные или делегированные властные полномочия по принятию обязующих решений для населения, организаций, предприятий, фирм и учреждений данной территории. Эти управленческие практики включают некоторые элементы публичного принуждения – введение местных налогов, формирование местных бюджетов и т. д.; но главным смыслом данной деятельности является постоянный мониторинг

актуальных местных проблем социально-экономического, хозяйственного, экологического, гуманитарного характера и обеспечение их решения на основе политической воли и действующего законодательства.

Именно на уровне реализации политико-правовых практик можно четко отличать политическую власть государства от публичной негосударственной власти.

Публичная политическая власть, во-первых, *порождена волей людей* и имманентно *принадлежит народу*: классу, социальному слою, элите-власти в зависимости от типа общественной системы. В условиях демократии даже небольшие партии владеют политической властью, регулируя асимметричные отношения социальных групп, но они не являются субъектами государственной регуляции. Государственная же власть, как наиболее универсальная форма публичной политической власти, имеет суверенность и юридическое верховенство, которыми согласно законодательству распоряжаются органы государства и должностные лица.

Публичная политическая власть, во-вторых, не может быть постоянно консолидированной, а скорее имеет *мобилизационный* характер, когда в некий исторический момент «ядро власти» концентрируется в доминирующем социальном слое; она также *диффузионна* – несколько распылена и лабильно колеблется в зависимости от роли классов, политических групп, лобби.

В-третьих. В отличие от государственной власти, выполняющей *арбитражную функцию* в социуме, ни одна другая политическая сила на эту роль не способна из-за отсутствия необходимых полномочий и ресурсов. Определенные цели и практики элиты, «групп интересов», партий направлены на реализацию собственных политических устремлений и, как правило, не претендуют на представительство интересов общества в целом.

В-четвертых, негосударственная политическая власть и государственная имеют разные *механизмы социального влияния*. Государственная власть формализована, легальна, закреплена в правовой форме, использует специализированный аппарат (парламент, правительство, суды, госслужбу, армию, полицию и пр.). Внегосударственная публичная политика этих механизмов не имеет и использует другие инструменты влияния: общественное мнение; «свободные» СМИ; политические организации – движения, партии, оппозицию, их представительство в парламенте и местном самоуправлении; технологии политического давления; опирается на «группы интересов» или лобби; в условиях политических конфликтов – на политизированные профсоюзы, этнократию и даже на незаконные вооруженные группировки.

В-пятых – публичная власть стимулирует и обеспечивает процесс *политической структуризации* социума, его политическую интеграцию или дифференциацию. Государственная же власть объединяет население как

граждан суверенной страны, хотя и дифференцирует их по административно-территориальным признакам.

Наконец, публичной негосударственной политике в большей мере свойственны *яркие субъекты-акторы*, с имиджем популярных «кумиров», *харизматичных* или *авторитарных личностей* – это лидеры политических организаций, структур, являющиеся носителями общественной власти; они применяют свои оригинальные стили и технологии политической мобилизации масс. Органы же политической власти государства, как правило, должны быть *безличными* и менее зависимыми от субъективизма, индивидуализма и личностных черт носителей государственной власти, отвечать принципам конституционализма и требованиям действующего законодательства.

В действиях государственной власти, которая стремится, чтобы политико-правовая система могла адаптироваться к эволюции общественных целей, наиболее существенными являются практики *политической модернизации* или *модификации*. Они осуществляются главным образом путем реформ и создания новых институтов, обеспечивающих наиболее эффективные «каналы» диалога между правительством и населением.

Политическая эволюция определяет изменения социополитической реальности, которые зависят от потребностей социальной среды; на основе их интенсивности и меры радикализма выделяют процессы – *политической модификации, модерни-*

зации и трансформации. Само политическое развитие имеет объективные параметры: не является необратимым, возможна и политическая реверсия; не единообразно для различных политических систем; имеет специфические черты в определенных исторических условиях (в основе современной политической эволюции лежат инновации, публичность и светскость политики, множество политических ориентаций, индивидуальный выбор и политическая активность).

Так, *политическая модификация* – это практики, более характерные для высокоразвитых прогрессивных стран по усовершенствованию фрагментов политической системы для более высокого уровня их функционирования, а при необходимости – изменяющие акценты в расстановке конкурирующих сил на политической арене. Критериями практик *политической модернизации* политологи называют: способность политической системы к обновлению и инновациям (при условии самосохранения), к мобилизации ресурсов власти; структурное совершенствование институтов политики и права; внедрение современных «политических ролей»; усиление тенденций равноправия политического участия граждан, в овладении властными должностями, ответственности перед законом и т. п.

Молодым государствам, избравшим путь «демократического транзита», которые осуществляют политическую модернизацию (или модификацию), наиболее характерна

стратегия реформ. **Реформаторские практики** – это *целевые, управляемые политико-правовые действия системного характера* (либо сегментарные), осуществляемые в отдельных сферах жизни социума, которые стимулируют дальнейшее совершенствование функций политико-правовых институтов. Реформы в политике и праве коррелируют с эволюционным развитием общества, они являются главным механизмом, политико-правовой практикой модификации и модернизации. Путем реформ власть корректирует отношения между социальными группами для сохранения общественного порядка, совершенствования функций системы и при этом должна постоянно контролировать ход политического процесса. Практики реформ полезны, но это не будничная ситуация для страны: их «агенты», обеспечивая лояльную реакцию общества, смягчают принудительные методы власти; но в то же время должны предупреждать насильственные действия со стороны противников реформ, социальную конфронтацию и конфликты.

Типологизируя реформы, ученые выделяют: по *отрасли внедрения* – социальные, экономические, политические (в т. ч. конституционные), правовые (судебные, административные, процессуальные), культурные, военные и пр.; по *характеру* – радикальные либо мягкие, «камуфляжные» реформы; согласно *ведущей идее* – консервативные, либеральные, демократические, комунитарные; долгосрочные или краткие – по *срокам вне-*

дрения. Политические и правовые реформы направлены на преобразования политико-правовой жизни общества, соответствующих социальных отношений, институтов и функций; они осуществляются, не разрушая основ действующего политического строя, путем принципиальных политических решений и корректирования законодательства. Как правило, это – прогрессивная перестройка политико-правовой сферы по совершенствованию деятельности государственных институций, перераспределению полномочий и компетенций, публичных политических и непубличных функций власти.

Реформаторские практики политической модернизации и модификации способствуют обновлению ресурсов демократической власти, укреплению парламентаризма, партийного плюрализма, прав и свобод человека. Даже если в функциях государства усиливаются этактистские тенденции, их обычно уравнивает рост активности общественных движений (правозащитных, альтернативных, «зеленых», профсоюзов, ассоциаций бизнеса). К примеру, неоконсервативные практики «тетчеризма» и «рейганомики» в 80-х гг. XX в. породили заметное социально-политическое возмущение тех профессиональных групп США и Великобритании, интересы которых были ущемлены; или – социальные протесты населения Греции, Испании, Италии, Кипра в кризисный период 2008–2013 гг. против политики «жесткой экономии» ЕС. Но в ходе *колебаний центра власти* между легитимны-

ми носителями состоялась ее демократическая преемственность (смена правительств, переизбрание президента), удалось сохранить стабильность политической системы. Такие примеры социально-политической активности демонстрирует и украинское общество, как реакцию несогласия с рядом положений налоговой, административной, пенсионной реформ, отменой льгот отдельных социальных групп (ликвидаторов-чернобыльцев, ветеранов-афганцев) и пр.

Собственно, поэтому стратегию (практику) реформ иногда определяют как *политику компромисса* между правящими группами и их оппонентами, когда ради сохранения политической системы как целого идут на смену отдельных ее частей. У этих условий реформы становятся уступками правящей элиты под давлением оппозиции, недовольных социальных слоев, которые угрожают выйти за пределы норм политически урегулированных отношений.

Непосредственно инициировать политико-правовые реформы может как сама государственная власть, так и социальные массы; соответственно, они осуществляются тремя путями.

Первый – это *осуществление реформ «сверху»*, когда власть (например, автократичная) осознает неизбежность изменения политического господства, и по своей воле и инициативе разрабатывает и осуществляет программу политических преобразований. Однако реформы «сверху» не всегда дают желанный результат, иногда они заканчиваются поражени-

ем власти или отбрасывают страну назад, тормозя прогрессивное развитие: «хрущевская оттепель» 1960-х в СССР; попытки конституционной реформы Украины 2000-х).

Второй путь политических реформаций – *отречение от власти*, отказ господствующих политических сил от правления вследствие «бархатных революций» из-за понимания его бесперспективности. Таким образом произошло падение авторитарных режимов Восточной и Центральной Европы в 80-х – начале 90-х гг., когда отказались от власти Э. Хоннекер в ГДР, Г. Гусак в Чехословакии, да и М. Горбачев в СССР, очутившись без поддержки собственного народа в условиях внутренней политической изоляции. В результате революций «арабской весны» 2011 г. этим же путем произошла капитуляция властей тех стран Северной Африки (Тунис, Египет), где удалось избежать масштабной гражданской войны. Итак, этот способ начала реформ является более редкой, но потенциальной формой реализации политического процесса при определенных условиях.

Третий путь – это *согласованное реформирование власти* на основе политико-правового консенсуса и совместных усилий всех политических сил страны (властных и оппозиционных). В сущности, это процесс постепенных, согласованных изменений и преобразований в структурах власти, придание им новых функций, отношений, политической культуры переговорного процесса, диалога,

компромисса, взаимных уступок. В этих условиях реализуются практики политического медиаторинга: совместная работа в режиме переговоров, проведения «круглых столов» политических сил, конференций, политических дебатов, которые обеспечивают эффективность процесса реформ и последовательную демократизацию режима власти.

Однако нередко проводимые реформы вызывают неудовлетворение как консерваторов (не воспринимающих новации), так и радикальных групп (из-за ограниченности и фрагментарности), когда они лишь ослабляют социальное напряжение по отдельным проблемам, а не развязывают «кризисные узлы» в целом. Кроме того, запоздалые реформы также не дают желаемого эффекта, а изменения, навязанные обществу силой (вне социальной потребности), могут вызывать акции неповиновения или массовые протесты.

Неудачные практики реформирования нередко ведут к *контрреформам* – частичному или полному отказу от внедренных общественных новаций. Их причины: принципиальные ошибки предыдущих реформаторов; неоправданные «перегибы» власти; стремление властной элиты вернуть ранее утраченные привилегии или прерогативы. Угрозы, приносимые контрреформами, состоят в том, что общество лихорадит, реального улучшения жизни не наступает, поэтому прогнозы социального катаклизма могут стать реальностью.

Реформационные практики скорее решают определенные проблемы жизни социума, не преследуя цели глубинных трансформаций политико-правовой системы. Характер этих преобразований – прагматичный, как правило, их успех зависит от своевременности проведения, социальной поддержки (легитимации) и ресурсного обеспечения. По существу, реформы политической модификации или модернизации должны отвечать таким требованиям:

- не противоречить природе человека и политическим ожиданиям социума;

- проводить предварительную научную оценку условий осуществления преобразований;

- осуществлять прогностическую проверку ожидаемых результатов реформ в малых масштабах и лишь после этого переходить к общим реформационным изменениям;

- воплощать реформы в жизнь лишь правовым, конституционным путем.

Из-за противостояния различных политических сил в современных странах складываются ситуации и политико-правовые практики *политической конкуренции, конфликта, противоборства политических элит*, которые стремятся к перераспределению ресурсов влияния на общество и державу. Политическая власть в государстве, несмотря на правовую определенность, может быть довольно рассредоточена, что связано с давлением определенных социальных сил (элит, «заинтересо-

ванных» групп, лобби). В этих условиях возникает состояние *дисперсии* (иногда *диффузии*) *политической власти* между группами влияния, вызывающее изменчивость ее характера.

Этот феномен отображен в теории «диффузии власти», обосновавшей ее распыление, что существенно изменило традиционные представления о субординации властных субъектов, превратив их политические отношения в более горизонтальные. Концепт *полиархии* Р. Дала («Полиархия. Участие и оппозиция», 1971, «Дилеммы плюралистичной демократии», 1982) именно в аспекте дисперсии власти оригинально интерпретирует политическую реальность стран Западной Европы и США как особый вид режима правления, когда гражданам предоставляются самые широкие возможности политического участия и контроля, а группам интересов и лидерам – условия открытого соперничества за власть. Р. Дал полиархию, с ее развитыми практиками политической конкуренции и активности гражданского общества, противопоставляет закрытым гегемониям с низким уровнем состязательности и пассивным политическим участием населения.

Состояние дисперсии власти более характерно для практик политической конкуренции в плюралистичных демократиях, что свидетельствует о более сложном распределении ресурсов власти, чем официальное разделение полномочий между ее государственными ветвями и институтами. Эта дефиниция показывает, что публичная

политическая власть имеет множество сегментов, акторов и функциональных уровней, поэтому характеризуется многомерностью. Так, дисперсия власти непосредственно связана с практиками *соперничества* между реальными *центрами власти* – легально правящими, оппозиционными или неконституционными (созданными народным сопротивлением или авантюрными «политиканами»). Оно может достигать значительной мощности, и настолько распылять ресурсы власти, что урегулирование конфликтов и кризисов на этой почве совсем подменяет суть политико-правового процесса.

Ведь известно, что во все времена политическая элита стремилась обеспечить себе постоянство высокого статуса и, как отмечал Ф. Ницше, прикрывала свои действия моралью и политической целесообразностью, чтобы легитимироваться в общественном мнении не только за счет норм права, но и этических императивов. В этой связи Н. Бердяев утверждал, что состоялся «радикальный разрыв между моралью личной, моралью христианской и моралью государственной, моралью царства, моральной практикой князя... что политика всегда основана на лжи, что она никогда не была отражением не только благородства или добродетелей, но и ума»¹. Возможно, глубинные корни мощного, затяжного *конфликта элит* в пространстве власти Украины с нач. 2000-х гг. лежат

¹ Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – С. 86.

в извечном противостоянии и разрыве позиций между «элитой духа», которая почти отстранена от государственной власти, и реально правящим истеблишментом (бизнес-политиками), которые нередко прагматично пренебрегают законами морали и права.

Аналитическая оценка каждого из сегментов диффузионной власти требует понимания специфики их носителей, компетенций, институционных форм, границ влияния и пр. Соответственно, исследования дисперсии власти связаны с анализом таких политико-правовых практик, как: *дифференциация власти* (разветвление, разделение, распределение власти по ступеням, уровням, функциям, «эшелонам», звеньям, регионам); *делегирование власти* (передача на определенный срок ряда полномочий от государственных субъектов другим органам власти, юридическим или физическим лицам, не имевшим ранее этих ресурсов); *дуализм власти* – дихотомия властных полномочий между двумя равнозначными центрами влияния или госуправления; *многовластие* (multiple authority), когда власть в государстве (или организации) одновременно осуществляют несколько должностных лиц, органов, учреждений либо политических центров, которые соперничают и конфликтуют между собой; и в конечном итоге, вопросов *плюрализма центров власти, дискреционной власти, «рассеянной» политической власти*.

В контексте этого подхода Р. Дал и Дж. Карни расширили идею деления власти не только на ветви государст-

венного управления, но и на множество неформальных политических структур (партии, политические движения, группы интересов, лобби, политизованные профсоюзы, масс-медиа), которые также концентрируют ресурсы политического влияния, и детерминируют возникновение и реализацию новых властных тенденций в социуме¹. Итак, в условиях дисперсии власть находится в руках не только официальных, но и частных лиц (либо их ассоциаций); поэтому ее реализация в известной мере становится ситуативной: когда политические решения транслируются не только полномочными государственными институтами (президентом, парламентом, правительством), но и внедряются по достижению политико-правового консенсуса или компромисса с партиями, корпорациями, профсоюзами, фермерством, группами интересов или политического давления (лобби).

Политические партии как субъекты репрезентации интересов социальных групп должны брать на себя ответственность за перспективные цели развития общества и характер политической и правовой системы – в этом заключается многообразие их политико-правовых практик. Закон Украины «О политических партиях в Украине» в ст. 2 подчеркивает важнейшие функциональные аспекты их деятельности, определяя понятие *политической партии*: «Партия – это

¹ Dahl R. A. Who Governs? Democracy and Power in an American City. – New Haven, L., 1975; Dahl R.A. Modern Political Analysis. – Englewood Cliffs (New Jersey), 1991.

зарегистрированное согласно закону добровольное объединение граждан – сторонников определенной общенациональной программы общественного развития, имеющее своей целью содействие формированию и выражению политической воли граждан, принимает участие в выборах и других политических мероприятиях»¹.

Содержание и формы политико-правовых практик политических партий в межэлекторальный период (до/после избирательных кампаний) определяются: политическим статусом партии (место в политико-правовой системе); требованиями законодательства к политическим организациям; принадлежностью партии к институтам власти или к оппозиции; ее идеологической направленностью; наконец, функциями–действиями, которые присущи всем партийным организациям.

Понимание социальных целей и содержания деятельности политических партий требует признания их двойственной природы. С одной стороны, партии возникают вследствие дифференциации политических интересов и политической структуризации социума, поэтому прежде всего они – *институт гражданского общества*. Но с другой стороны, любая партия является *субъектом публичных политических отношений*. После же процедуры выборов некоторые партии обретают статус элемента политико-правовой системы государства и как

партийные фракции парламента продвигают своих лидеров, активистов в органы государственной исполнительной и местной власти; а другие – позиционируют себя как внепарламентская оппозиция.

Отсюда вытекает очевидная *бинарность* партийно-политических практик:

– партия должна демонстрировать собственные партикулярные принципы, способность отстаивать интересы определенного класса, слоя, группы;

– способность выявлять в разных групповых, корпоративных интересах общезначимые приоритеты, учитывать политический контекст отдельных частных интересов, придавая им общегосударственное звучание.

От способности партии найти верный баланс между партикулярными и общезначимыми интересами, заявленными в целях, программе и стратегиях действий, непосредственно зависит ее политическая судьба. Законодательство регулирует общий порядок деятельности политических партий, не определяя детально ее содержания (за исключением порядка создания, регистрации, отчетности и прекращения существования партий). Закон «О политических партиях в Украине» определяет права партий по реализации внутренней и внешнеполитической активности (статьи 12, 13); кроме того, ограничивает формы и характер их действий, которые могут нанести вред народу Украины и государству (статьи 5, 21–24); в частности, действий по подрыву

¹ Про політичні партії в Україні : Закон України // Відом. Верхов. Ради України. – 2001. – № 23.

безопасности и суверенитета страны, незаконного захвата государственной власти, пропаганды войны, насилия, расовой, межэтнической и религиозной вражды и т. п.

Исходя из этого, политико-правовые практики партийных организаций Украины можно раскрыть на основе присущих им политических функций. Рассмотрим наиболее свойственные современным партиям.

Функция *обобщения потребностей и согласования интересов* различных групп, слоев населения, что необходимо доводить до властных структур: она формулируется и декларируется в *политической платформе* (программе партии, лозунгах, политических заявлениях, требованиях, законопроектах, программах развития). Платформа определяет стратегию и текущую тактику действий партии в разных сферах общественной жизни, может иметь общий или конкретный (предвыборный) характер. К стратегическим направлениям политической платформы партии относятся: идеологические принципы, политические приоритеты и правовые установки, экономическую стратегию, социальные и экологические программы, внешнеполитическую (иногда военную) доктрину, стратегии в области науки, образования, культуры, медицины. Эти составляющие, конечно, нуждаются в региональной и местной конкретике.

Функция *представительства интересов* включает наибольшее число политико-правовых практик и главным образом отображает электораль-

ную активность партии: ее предвыборную деятельность (позиционирование, программы, регистрацию кандидатов/списков, электоральные технологии), которая определяется как политическим интересом, так и действующими законами по проведению избирательных кампаний (национальных, местных); учредительные действия партий-победителей на выборах, по формированию институтов и аппарата государственно-правового управления.

Функцию *коммуникации* партии осуществляют: обеспечивая взаимосвязи государственной власти, местного самоуправления и гражданского общества; выражая интересы определенных социальных групп, доводят их до структур и органов власти; воспроизводят политическую коммуникацию в системе межпартийных связей и отношений; осуществляют практики политического диалога и дискурса, сотрудничества, создания коалиций и блоков, но также – политической конкуренции, противоборства, конфликта, «политических войн».

С помощью агитации и пропаганды определенных политических ценностей и стереотипов политического поведения партии реализуют функцию *политической социализации*: передачи политического опыта, идейных принципов, знаний и традиций представителям следующих поколений, обеспечивая этими практиками политическую преемственность в социуме и культуру политических отношений.

Функцию *политического рекрутирования* партии осуществляют путем мобилизации (привлечения) в свои ряды новых членов и отбора лучших кандидатов на руководящие посты парторганизаций и в государственные структуры. Так партии стремятся улучшать качественный состав политической элиты – как высшего политического «истеблишмента», так и региональных элит.

Кроме того, партии, которые пришли к власти после выборов (представленные фракциями в парламенте или депутатами в выборных органах местного самоуправления), выполняют *властно «правительственные»* функции – законотворчество, применение норм и правил взаимодействия политических институтов, выработку и внедрение политических норм-традиций, контроль за другими органами государственной власти и пр.¹

С актуализацией в США 60-х гг. XX в. функционалистского подхода (Р. Мертон) и «полит-системного» анализа (Д. Истон) начали выделять новые *практики-функции* политических партий. Расположив их в конструкции общественной системы, Р. Мертон предложил различать партии, имеющие явно «выраженные» функции, или «скрытые» функции.

Выраженные функции – политические практики, которые объектив-

но способствуют приспособлению или адаптации системы, к их реализации стремятся все члены партии: формирование общественного мнения; отбор политических деятелей; «опека» своих избранников (депутатов). *Скрытые функции* – это латентные практики; в частности, из них Жан Бодуен называет: общественную функцию «босизма» в США (экономическая поддержка и социальное продвижение); «трибунные» функции, как попытка представить «плебейские» слои общества (например, прежней Французской компартии, Индийского Национального Конгресса, ПСПУ в Украине); радикальная функция «политических изменений»; функция «окультуривания» и социализации элиты, которая вышла из рабочей среды.

Наконец, согласно средствам и методам политико-правовых практик, политическая теория выделяет партии *авангардного* и *парламентского* типов. К первым, как правило, относят леворадикальные и праворадикальные партии (коммунистической и неофашистской идеологии); ко вторым – партии центра или близкие к нему (социал-демократические, неолиберальные)².

Партиям авангардного типа, которые формируются чаще в нестабильных политических системах, характерны такие практики, методы действий, которые находятся на грани или вне закона. Типичной практикой «авангардистов» является силовое давление на

¹ Юдин Ю. Политические партии и право в современном государстве / Ю. Юдин. – М. : Изд. группа «ФОРУМ–ИНФРА-М», 1998. – 288 с.; Лук'янов Д. В. Політичні партії в системі взаємодії громадянського суспільства та держави / Д. В. Лук'янов. – Х. : Право, 2007. – 320 с.

² Білоус А. О. Політичні об'єднання України / А. О. Білоус. – К., 1993. – С. 21–22.

органы власти, в арсенале их средств: организация забастовок, митингов протеста и пикетов, вплоть до экстремистских действий, актов насилия и политического террора.

Партии же парламентского типа реализуют свои политико-правовые практики (и полит-технологии) в границах «правового поля» государства. Их внутренняя деятельность сосредоточена преимущественно в парламенте, на высшем правительственном уровне, в региональных и местных структурах, органах власти; а внешнеполитическая – строится на межпартийном диалоге. Свои политические платформы они стремятся воплощать в законных органах власти, которые могут формировать сами по результатам выборов, или создавая «оппозиционные» правительства, действующие альтернативно, но открыто, публично. Партии парламентского типа заинтересованы в сохранении стабильности политической системы, в поддержании конституционной законности и правопорядка в обществе.

Статус и практики *партийных фракций* в парламенте и органах местного самоуправления определяются средствами правовой регуляции, но нуждаются и в политической оценке. Вообще, фракция как часть партии, продвинутая в структуры государственно-правовых отношений, должна представлять не партикулярные, а общегосударственные интересы, и в пропорции – в пользу последних! Общество заинтересовано в том, чтобы парламентские фракции имели опре-

деленную меру свободы от партийного диктата, ведь на их уровне политика имеет реальные шансы концентрироваться прежде всего на общих интересах социума и способствовать его солидаризации. Но обрести какую-либо степень автономии от партии фракциям в их практиках возможно, лишь благодаря действию норм права и политических традиций, которые помогают избегать внутри- и межпартийных столкновений, предотвращают жесткую идеологическую «заангажированность».

Поэтому законодательство демократических стран стремится установить правовые гарантии такой свободы. Прежде всего:

– законодательно закрепляется статус депутата как представителя всей политической нации, а не отдельной партийной частицы общества;

– не допускается введение регламентных норм, обязывающих депутатов подчиняться партийной дисциплине в ходе принятия парламентских решений государственного уровня (осуждается так называемый императивный мандат).

Таким образом, как показывает теоретико-праксеологический синтез, различные и многочисленные **политико-правовые практики** – это *совокупность устойчивых, целенаправленных действий политических субъектов, упорядоченных по форме, содержанию и логике*, которые не только имеют *дуалистическую природу*, но и четко *коррелируют с характером режима власти* (тоталитарной, авторитарной, демократической).

Их следует связывать с возможностью воплощения в социальной реальности определенных политических и правовых идей, идеологий, действий, со становлением и функционированием политико-правовых институтов и организаций по политическому представительству интересов социальных групп, формированию политических стереотипов, стандартов и т. п.

Реализация политико-правовых практик в сфере отношений власти определяется как политической струк-

турированностью общества, мерой политизации его бытия, балансом разных политических влияний, масштабом «поля» непосредственных действий политиков и политических организаций, так и нормативно-правовыми границами, действующим законодательством и социально-правовой традицией осуществления политической деятельности.

Опубликовано: Український соціум. – 2012. – № 4. – С. 39–57.